

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

Институт языка, литературы и истории

Администрация Коми-Пермяцкого автономного округа

Коми-пермяки и финно-угорский мир

Тезисы докладов и выступлений на международной конференции

Кудымкар, 26-28 мая 1995 г.

Сыктывкар
1995 г

УДК 39(4=945)(063)

042(02)7

Тезисы Международной конференции.

Коми-пермяки и финно-угорский мир. -Сыктывкар, 1995. -128с.

Сборник тезисов докладов и выступлений на международной конференции "Коми-пермяки и финно-угорский мир" содержит основные идеи и материалы, представленные для обсуждения на пленарных и секционных заседаниях. Их расположение соответствует секционной дифференциации главных проблем, предложенных оргкомитетом конференции. Настоящий сборник впервые столь многогранно и на таком высоком уровне касается проблем развития коми-пермяцкого этноса и его места в финно-угорском мире.

Редакционная коллегия:

Напалков А.Д. (отв.ред.), Шабает Ю.П. (отв.секретарь), Конаков Н.Д.,
Савельева Э.А., Пахорукова В.В.

упряжки, вероятно, заимствованные от манси. Ими были хорошо освоены водно-волоковые пути на северо-востоке Европы и сухопутные тропы за Урал.

При освоении территории была создана система обороны из укрепленных поселений - городищ по Каме, в устьях рек, впадающих в Каму, защищающих целые микрорайоны. О возникновении опасности с севера свидетельствуют появление именно в это время городищ на северных притоках Камы (Луля, Колва, Язьва, Вишера).

При увеличении плотности населения в освоенных районах родановцы оказывали влияние на природные ландшафты, вырубая леса при подсеке не только по берегам рек, но и на водоразделах, интенсивно используя поймы и вырубки для выпаса скота, разрабатывая недра, изменяли состояние животного мира, истребляя некоторые виды животных (особенно, бобров), выводя наиболее приспособленные к местным условиям породы домашнего скота.

При углублении изучения взаимодействия природы и населения родановской культуры необходимы проведение палеодемографических исследований, определение специалистами антропологического материала из раскопок могильников, организация охраны наиболее ценных памятников этой культуры вместе с окружающей их природной средой.

Л.Д.Макаров
Ижевск

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И РУССКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ВЕРХОВЬЯХ Р.КАМЫ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Начальный этап проникновения славянской материальной культуры, а вслед за тем и русских поселенцев в Верхокамье, хотя и привлекал внимание исследователей, однако не был предметом специального изучения. Пожалуй, единственно, на что обращали свои взоры историки и краеведы, так это на время возникновения г.Кайгорода - центра одноименного уезда, охватывавшего все Верхокамье. Вятские авторы при этом указывали точную дату постройки города, связывая это событие с деятельностью Якова и Григория Строгановых. По мнению одних, Кай заложен в 1550 г. на большой торговой дороге из бассейна Северной Двины в Приуралье и Сибирь, а вскоре он становится и центром уезда (В.Бронников, 1874; А.Замятин, 1898; Л.Н.Макарова, 1962, с.77). К середине XVI в. относил основание города Н.Н.Романов (1880, с.744). Другие авторы приводят несколько иную дату - 1558 г., обосновывая необходимость постройки Кая опасностью набегов "пермяков, остяков, воти и татар" (А.А.Андриевский, 1880, с.62; В.Трапезников, 1911, с.17; А.В.Эммаусский, 1972, с.58; Е.Н.Осколков, 1994, с.174). С точки зрения А.В.Эммаусского, Строгановы заложили крепость на месте более древнего поселения вятчан (1951, с.40). Судя по всему, вятские исследователи руководствовались при этом текстом грамоты Ивана IV, выданной братьям Строгановым в 1558 г., в которой им позволялось "на всех владеемых им землях по Каме и Чусовой ставить крепости" (А.А.Дмитриев, 1892, вып.IV, с.106-109). Однако Кайгород в этом документе не упоминается, поэтому пермский ученый А.А.Дмитриев высказанные выше утверждения поставил под

сомнение и в то же время высказал (как позднее и Эммаусский) догадку, что город уже существовал, а "Строгановы только укрепили и обстроили его", но сам же ее (догадку) и оспорил, т.к. "Кай везде приравняется к Соликамску, а не к Строгановским слободам" (1889, вып. I, с.137). Похоже, Строгановы какого-либо отношения к постройке города вообще не имели. Во всяком случае, первые их владения появились в Кайгороде лишь в 1609 г., когда Никита Григорьевич Строганов приобрел здесь "место для построения "двора на приезд" на Каме и судовую пристань с амбаром", отведенные дьяком Сарычем Шестаковым и подьячим Вторым Ильиным, давшими новому хозяину особую выпись на эти места (А.А.Введенский, 1962, с.114). В переписи М.Кайсарова 1623-1624 г. упоминается, очевидно, именно это "порозжее место под анбар, в длину 15 сажен, а поперег 10 сажен" (А.А.Дмитриев, вып. I, с.130). Что касается административного подчинения Верхокамья, то ученые безоговорочно относили Кайгородский уезд к Перми Великой (Д.К.Зеленин, 1904а, с.104), удивляясь тому, что И.Яхонтов не описал его в 1579 г. (А.А.Дмитриев, вып. I, с.76).

Лишь с публикацией в 1958 г. Вычегодско-Вымской летописи (ВВЛ) некоторые спорные моменты в истории Верхокамья прояснились. Оказалось, например, что верховья Камы были переданы в состав Перми Великой только в 1586 г. Ряд исследователей, опираясь на данные языка, топонимки, этнографии и антропологии считает, что объединение верховьев Соколы и Камы в одну волость свидетельствует о единстве ее населения, вследствие миграции вычегодских коми на Каму и длительных между ними контактов (Л.Н.Жеребцов, 1982, с.41-45; И.Л.Жеребцов, 1989, с.13). Эта версия, однако, опровергается археологическими материалами (Э.А.Савельева, 1985, с.15-17; Р.Д.Голдина, В.А.Кананин, 1989, с.108-110), которые, в то же время, отражают специфику верхокамского населения (В.А.Оборин, 1970, с.28-29; Э.А.Савельева, 1971, с.157-162; Р.Д.Голдина, В.А.Кананин, 1989, с.108).

Приведенные выше данные не дают этнической характеристики упомянутых территорий и населенных пунктов. Имеющиеся материалы переписей конца XVI-XVIII вв. дают возможность в процессе анализа фамилий в определенной степени восполнить пробелы в этом вопросе. Именно так и поступил Л.Н.Жеребцов, установивший факт переселения сысоличей в Верхокамье (1982, с.69). Однако многие из приведенных им фамилий являются в равной степени как пермячками, так и русскими.

Поэтому решающее слово остается, очевидно, за археологией. Именно полученные в ходе раскопок древние вещи позволили уточнить имевшиеся до того письменные источники. Выяснено, что в течение XII-XIV вв. славяно-русские поселенцы (преимущественно ростовского и устюжского происхождения) проникают не только на окраины, но и в глубинные районы Южвского и Вычегодско-Вымского Вассейнов, о чем говорят как письменные (В.Н.Давыдов, 1977), так и археологические данные (Л.Д.Макаров, 1984, с.73-79; Н.А.Макаров, 1988, с.122-131; он же и Н.Н.Чеснокова, 1992; Э.А.Савельева, 1987; 1993; она же и М.В.Кленов, 1992; они же и В.С.Зеленский, 1993). Одновременно осваивается Средняя Вятка (работы Л.П.Гуссаковского и Л.Д.Макарова), а чуть позже - Верхнее Прикамье (труды В.А.Оборина). Таким образом, Верхокамье (вместе с Верхней Вяткой) оказывается с севера, запада и востока окруженным потенциальными носителями славянского этноса (Л.Д.Макаров, 1994, с.56-58). Кроме того, нельзя забывать и того факта, что на

родановских памятниках еще в конце прошлого века обнаруживались находки, изготовленные русскими мастерами в X-XIV вв.: лунницы, свинцовые грузики, рубчатые перстни, зооморфные подвески, змеевик, иконка, сошкины, топоры (Н.Г.Первухин, 1896). В ходе их раскопок отрядами Камско-Вятской экспедиции в 1970-е - 1980-е гг. были выявлены и другие категории славяно-русских древностей: бусы, лировидные пряжки, косорешетчатые и крестовидные подвески, многобусинные височные кольца, серьги в виде вопросительного знака, замки, ключи, кресала, ножи, сверло (Р.Д.Голдина, В.А.Кананин, 1989).

Однако, следует признать, что абсолютное большинство перечисленных выше предметов попало в верховья Камы в результате торговых контактов. Дело в том, что самым надежным признаком появления поселенцев считаются находки традиционной славяно-русской керамики, поскольку, в силу ее непрочности, изготовление посуды проводилось на месте поселения. Судя по наличию этого признака русские приходят в северную часть Верхокамья не ранее конца XIV- начала XV в., о чем говорят находки близ с.Гидаево, сделанные А.А.Спицыным в конце XIX в. - фрагменты раннегончарной и лепной керамики с примесью песка, датирующиеся найденными здесь же финскими привесками XIII-XIV вв. (колл.ГИМ). К сожалению, установить время постройки г.Кайгорода без раскопок пока невозможно. Пока же ясно, что во второй половине VI в. он уже существовал, будучи (как и Волосница, и Зюздино), погостом (ВВЛ, 1581, 1586 гг.) Центром уезда Кайгород сделался, вероятно, сразу после передачи Верхокамья в состав Перми Великой. Думается, что несмотря на отсутствие упоминания населенных пунктов в тексте грамоты 1485 г. (вообще содержащей, в основном, лишь перечень рек), верховья Камы безусловно были заселены, в т.ч. и русскими. Другое дело, что южная, зюздинская часть региона осваивалась, по-видимому, несколько позднее, возможно с конца XVI в. (Л.Н.Жеребцов, 1982, с.98). Во всяком случае, во воспоминаниям многих жителей зюздинской волости, их предки переселились именно с Кайской стороны, например, с.Бисерово основано выселенцами из пермяцкой д.Трушниковой, а с.Георгиево - из русского Кайгорода (П.Сорокин, 1895, с.10; Л.Н.Макарова, 1962, с.78).

Имеющееся в литературе утверждение о крещении пермяков Зюздинского края во второй половине XV в. (Н.П.Штейнфельд, 1892, с.276) кажется сомнительным и требует безусловной проверки. Но в любом случае православие могло закрепиться на языческой территории лишь с образованием приходов, что напрямую (и то не всегда) связано с возникновением погостов (т.е. не ранее XVI в.). В ходе обширных археологических исследований в Афанасьевском районе Кировской области удалось обнаружить более 30 памятников с круговой керамикой и другими находками XVI-XVIII вв. (В.А.Кананин, 1973, 1975, 1977; Р.Д.Голдина, 1974; В.М.Королев, 1978; Е.М.Черных, 1981), которые можно, до некоторой степени условно, отнести к русским. Эта условность объясняется чертами смешения традиций русского и пермяцкого гончарства.

Отметим, что Зюздинская волость всегда держалась особняком: еще в 1607 г. ее представители, обиженные произволом уездных властей, добились податной и судебной независимости от Кайгорода (М.М.Богословский, 1909, т.1, с.43). Изолированности зюздинцев способствовало глубинное расположение волости, что способствовало, в свою очередь, основательному сближению и, как следствие, смешению русских и коми-пермяков. Сложившийся здесь

уникальный этнокультурный симбиоз отмечался многими исследователями (А.П.Иванов, 1883; Н.П.Штейнфельд, 1892; П.Сорокин, 1895; Д.К.Зеленин, 1904а, с.104-109; 1904б, с.10-12; Л.Н.Макарова, 1962 и др.). Степень обрусения принимала порой необычные формы, например, по сведениям Д.К.Зеленина, зафиксировано поминание "чучких" родителей: "Помяни, господи, дедушку чучка, бабушку чучиху" (1904б, с.21). В то же время имелись и факты опермьячивания русских. В целом, столь тесное межэтническое контактирование привело к кардинальным переменам в антропологическом типе, говоре, материальной и духовной культуре, свадебных, бытовых, производственных, погребальных традициях эюдинского населения, что требует внимательного изучения.

С.К.Белых
Ижевск

ФАКТОР ХРИСТИАНИЗАЦИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ

Дивергенция прапермской этнолингвистической общности и сложение на ее основе современных пермских народов - коми и удмуртского - были, по всей видимости, весьма длительными процессами, растянувшимися на многие века. Есть основания полагать, что решающую роль в этом сыграло то, что во второй половине I тыс. н.э. в Среднее Поволжье проникают тюрки-булгары, к началу X в. создавшие здесь свое государство, а в X-XI вв. на Европейском Северо-Востоке появляются славяне. В результате уже в первые века II тыс. н.э. северные и южные пермяне стали тяготеть к разным полюсам, разным культурным и языковым системам: северные пермяне - к русским, а южные - к тюркам. Не случайно, поэтому, что очень многие наиболее значимые различия между удмуртским и коми языками объясняются мощным и продолжительным по времени славяно-русским культурным воздействием на коми и таким же сильным влиянием тюркского мира на удмуртов.

Русское влияние на коми еще более усилилось после присоединения в XIV-XV вв. коми земель к растущему и крепнущему Великому Московскому княжеству, а шедший практически параллельно с этим процесс христианизации коми закрепил культурное и политико-административное отмежевание коми от их южных сородичей-удмуртов на идеологическом и конфессиональном уровне.

Начало христианизации предков коми традиционно связывается с миссионерской деятельностью в Коми крае в последней четверти XIV в. Стефана Пермского. Результатом этой весьма активной деятельности Стефана и его преемников стало то, что уже к концу XV в. крещение северных пермян (коми) было, в основном, завершено. Оно, с одной стороны, способствовало политическому присоединению коми территорий к формирующемуся Русскому централизованному государству и сложению в его рамках единых коми-зырянского и коми-пермяцкого этносов, а с другой стороны, стало еще одним мощным и, думается, важнейшим проводником русского культурного влияния на коми.

Что касается южной части пермян (предков удмуртов), то к ним христианство проникает много позже и гораздо медленнее. Первый, документально